

Александр Сегал

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ТОВАРНОГО МИРА?

Текст к выступлению на заседании клуба «Контекст» 8 октября 2009 года

Постановка задачи

- Мы не собираемся строить экономическую теорию, тем более в ключе конкретного «economics»
- Мы не собираемся давать советы, куда вкладывать капиталы и в чем держать сбережения.
- Мы собираемся рассмотреть
 - а. социологические проекции того, что принято называть сменой укладов
 - б. аспекты *перехода* от одного типа общества к другому

* * *

В выступлениях и статьях всегда встает вопрос: с чего начать? Но сегодня тот счастливый случай, когда тема актуальна безо всяких объяснений, ибо есть притча во языцех, главная и общая для всех тема уже почти год. Итак, начинаем с общего места – с кризиса.

Первый взгляд. Кризис как исторический факт

Для начала зафиксируем как эмпирический факт.

- а. сам кризис
- б. особенное к нему отношение по сравнению с другими (и немалочисленными!) кризисами.

Особенность нынешнего кризиса отражается *пока что* на уровне эмпирического восприятия, на уровне *ощущения* некоего «пограничного состояния», «рубежа», «черты».

И даже **активное отрицание** кризиса подтверждает его особенность. Кстати сказать, отрицание как раз уже выходит за рамки описания, поверхностного «схватывания», – и представляет собой начальный уровень **рефлексии**.

И в самом деле: ну что в этом кризисе страшного и *особенного*?

Ведь все прошлые разы «невидимая рука» рынка отлаживала механизмы – и корабль плыл дальше, как в фильме Феллини, унося на палубах первого, второго и третьего классов, в трюмах и кочегарках всех тех, кто составляет основные классы и группы буржуазного общества. Почему такого не может случиться и в этот раз?

Прежде, чем рассматривать **особенности**, и для того, чтобы их рассмотреть, нам потребуется определить **общие** черты кризисов – **те системообразующие признаки**, которые позволяют отнести явление к **классу** кризисов и составляют **сущность** последних.

Второй взгляд. Общие черты кризиса

Существует множество взглядов на причины и, соответственно, сущность кризиса – от самых примитивных, в духе вульгарной политэкономии середины позапрошлого века, до вполне законченных и логичных. Большинство взглядов, к сожалению, не выходит за пределы рассуждений о том, как пережить кризис, в чем хранить сбережения и куда их вкладывать. «Вершиной» теоретического отражения ситуации является рассуждение о кризисе ликвидности и перепроизводстве капитала, как будто капитал – это некоторая вещественная субстанция, такой эфир общественного благосостояния.

Из тех подходов, которые наиболее близки нам, отметим работы блестящего исследователя, автора «Логики истории» профессора В.А.Вазюлина, его учеников Д.Пателиса, В.А.Кошеля и др., а также О.В.Григорьева и М.Л.Хазина (www.worldcrisis.ru). Мы будем к ним периодически обращаться.

Со своей же стороны рискнем выдвинуть утверждение, в определенной мере противоречащее общепринятым и привычным взглядам. По нашему мнению, причина кризиса заключена не в перепроизводстве, которое затем ведет к понижению потребления и снижению нормы прибыли, а как раз наоборот: в снижении нормы прибыли, которое может иметь разное выражение, и лишь затем к снижению потребления и перепроизводству, которые, в свою очередь, усугубляют ситуацию с падением нормы прибыли etc...

Однако прежде вспомним некоторые основные политэкономические термины и понятия.

Органическое строение капитала.

$c+v+m$

c – постоянный капитал

v – переменный капитал, или стоимость рабочей силы

m – прибавочная стоимость (прибыль) (Не путать с добавленной)

Издержки производства, или вложенный капитал

сумма постоянного и переменного капитала, затраченного на производство товаров.

$K = c+v$.

Норма прибавочной стоимости – это отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым капиталист продает свои товары, к переменному капиталу

$$m' = \frac{m}{v} \times 100\%$$

Норма прибыли – это отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, то есть к сумме постоянного и переменного капитала.

Обозначая норму прибыли через P' , получим формулу: $P' = \frac{m}{c+v} \times 100\%$

Итак, мы выделили различие между двумя важнейшими показателями:

- **норма прибавочной стоимости** показывает степень возрастания переменного капитала,
- **норма прибыли** есть показатель степени возрастания всего капитала.

По сути, стоимость средств производства (постоянный капитал, стоимость «вещественных условий осуществления труда»¹) переносится в процессе труда на стоимость вновь создаваемого продукта, а переменный капитал и прибавочная стоимость есть вновь создаваемая стоимость. Но с точки зрения капиталиста, поскольку часть вновь созданной (добавленной) стоимости уходит на выплату заработной платы, эта часть относится к издержкам производства, к инвестированному капиталу. Таким образом, отдельного капиталиста «интересует только одно: отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к отдельно взятым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями вовсе не интересуют капиталиста...» (Маркс)

Отсюда очевидно **значение нормы прибыли**: в капиталистическом хозяйстве она является **мерилом выгодности вложения капитала**.

Тенденция нормы прибыли к понижению

С развитием капиталистического производства общая (средняя) норма прибыли имеет прогрессирующую тенденцию к понижению.

Общая норма прибыли всего общественного капитала исчисляется как отношение:

$$\frac{P}{C+V}$$

P — масса прибыли от всего общественного капитала за период его оборота,

$C + V$ — весь общественный авансированный капитал, состоящий из постоянной (C) и переменной (V) частей.

- наиболее быстро растут натурально-вещественные элементы постоянного капитала;
- несколько медленнее — его стоимость,
- ещё медленнее — стоимость авансированного капитала в целом.

Увеличение стоимости переменного капитала, обмениваемого на живой труд (источник прибавочной стоимости), происходит медленнее всего.

¹ К.Маркс Капитал. Книга третья. Глава вторая

В рамках промышленного цикла норма прибыли подвержена сильным колебаниям

- со взлетами во время промышленных подъемов
- и резкими падениями во время кризисов.

Из сказанного вытекает общая сущность кризисов

Капиталистическое производство «приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли».²

Иными словами, снижение нормы прибыли делает производство невыгодным, а процесс производства – нецелесообразным, поскольку целью производства является не сам продукт с какими-либо полезными качествами, а прибыль, полученная от его продажи.

Легко также вычленив цель и общие методы выхода из кризиса.

Все они так или иначе сводятся к повышению (или хотя бы сохранению) нормы прибыли и базируются на *абсолютном или относительном* изменении трех элементов формулы органического строения капитала:

- Снижение C
- Снижение V
- Повышение m

Здесь будет уместна аналогия со знаменитым уравнением состояния идеального газа (уравнением Менделеева—Клапейрона), описывающим зависимость между давлением, молярным объемом (объемом определенной массы) и абсолютной температурой идеального газа. При росте температуры, например, и сохранении давления увеличивается объем. А при падении давления при небольшом изменении объема падает температура. Собственно, мы имеем дело с уравнением с тремя переменными.

Похожим образом ведут себя и составляющие уравнения органического строения капитала. Изменяя одни из них, можно добиться роста (стабилизации) других.

Отсюда можно вычленив факторы, стабилизирующие норму прибыли.

Факторы, противодействующие понижению нормы прибыли

- Повышение степени эксплуатации труда.
 - то есть, соотношения $\frac{m}{v}$
- Падение заработной платы ниже стоимости рабочей силы
- Удешевление элементов постоянного капитала.
- Относительное перенаселение. Вывоз капитала в слаборазвитые страны
 - Дешевый ручной труд
- Внешняя торговля.
 - Импорт дешевого сырья
 - Импорт дешевого продовольствия
 - Экспорт трудо-/наукоемких продуктов

Эти факторы, взятые по отдельности либо в той или иной комбинации, составляют конкретные исторические формы выхода из кризиса.

Выход из кризисов – исторические формы

- технологическая революция
- социальная революция
- война
- мировая война

Почему отдается предпочтение тем или иным формам, или почему те или иные формы выходят на первый план в тех или иных исторических обстоятельствах? С этим следует разбираться в отдельном исследовании.

² К.Маркс. Капитал, книга третья. / К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2 изд., т.25, ч.1, С. 284

Специфика текущего кризиса

Применимы ли испытанные методы стабилизации к нынешнему кризису? По нашему мнению – нет. И главная причина состоит в том, что достигнуты пределы развития капитализма.

- Внешний предел экстенсивного развития капитализма, это формирование мировой капиталистической системы
- *Внутренний предел экстенсивного развития капитализма* — это предел расширения капиталистической собственности как экономического образования, т.е. *Монополия*
- Внешний предел интенсивного развития – информационные технологии, крупные автоматизированные производства.

Примечание

Достижение внутреннего предела интенсивного развития предполагает абсолютное вытеснение живого труда из процесса производства, полную автоматизацию производства в целом (где доводится до стопроцентного максимума постоянный и сводится к нулю переменный капитал). Однако этот предел сам по себе, автоматически не достигается.

Достижение такого предела означало бы исключение живого труда из производственного процесса и, соответственно, невозможность его существования в форме капитала. Собственно, уменьшение нормы прибыли и есть показатель приближения к этому пределу. Но «достижение этого предела есть преодоление меры существования капитализма как такового, и предполагать, что капитал пойдет на технологическое самоубийство, вряд ли стоит. Именно в непонимании того, что технологическое приближение к внутреннему пределу интенсивного развития необходимо, но недостаточно для выхода из нынешнего кризиса, кроется нелепость тех прогнозов, о которых пойдет речь ниже.

Пилюли от кризиса как кумулятивный крысомор

Кредитное стимулирование потребительского рынка, заложенное еще в период рейганомии, сыграло роль паллиативного лекарства (то есть снимающего лишь симптомы). Однако лекарство это, как вскоре выяснилось, не только не лечит саму болезнь, но на самом деле сработало как крысиный яд кумулятивного действия и подтолкнуло товарный мир к пропасти «экономики пузырей».

Такая модель производства и потребления получила временную подпитку за счет развала Советского Союза и восточного блока. Но возможности экспансии на восток быстро исчерпались.

Что дальше?

Вернемся к прогнозам. Их можно естественным образом разделить на два типа – «оптимистический» и «пессимистический»

- «Оптимисты» заявляют о грядущем выходе из кризиса, хотя сами с трудом верят в сказанное, даже за большие деньги.
- «Пессимисты» видят в ближайшем будущем падение котировок, разорение компаний, безработицу и коллапс...

Примечание

Когда я начинал работать в газете «Правда», старшие товарищи часто говорили: «Не стоит злоупотреблять кавычками – это неуважение к читателю!» Поэтому в ходе изложения я обязательно поясню, что имел в виду, беря в кавычки оптимистов и пессимистов.

Впрочем, прогнозы – вещь неблагодарная и туманная. Особенно те из них, что делаются в наше время.

Почему перспективы туманны, или немного о проблемах футурологии

Начнем с довольно резкого утверждения о том, что футурология – неверный, некорректный и даже вредный термин.

В самом деле: в переводе с латино-греческого микса (латинского futurum — будущее и греческого λόγος — слово, учение) мы получаем «науку о будущем». Но как можно изучать то, чего еще нет!? Получается наука без предмета, своего рода социальная алхимия или астрология.

По нашему мнению, исследовать будущее возможно лишь двумя путями.

1. Можно изучать **настоящее** как то, что реально существует и этим существованием порождает будущее, то есть искать в настоящем *ростки* будущего, *тенденции* их развития.
2. Можно изучать **представления людей** о будущем. Здесь интерес представляет не столько сама картина будущего, сколько тот метод, которым эта картина мыслится. Здесь с неизбежностью на эту картину влияют как собственные предпочтения человека (то, что он *хочет* или *не хочет* увидеть в будущем), так и то, *что*, в силу своей социальной и научной позиции человек *может* или *не может* увидеть.

СТУПЕНИ ПРОГНОЗА

Каким бы образом и с каких бы позиций ни происходили попытки описать будущее, объективная логика процесса «опережающего отражения» диктует неизбежное наличие как минимум двух закономерных ступеней такого отражения, ставящих свои вопросы и отвечающих на них:

1. Будущее как <i>отрицательная определенность</i> настоящего	Чего из того, что есть, не будет в будущем?	
2. Будущее как <i>незаконченная позитивная</i> картина из существующих в настоящем элементов	Что из того, что есть, сохранится?	Для этой ступени характерно мифотворчество. Именно для мифа характерна замена отсутствующих элементов картины мира некими сакральными (или происходящими из сакральных источников) элементами
3. Будущее как <i>законченная</i> картина, как система, как органическое целое	Чего еще потребуют сохранившиеся элементы, чтобы составить систему?	Это напоминает работу археолога. С той только разницей, что археолог находит некие артефакты, которые <i>были</i> элементы некогда существовавшей культуры, и по этим элементам <i>реконструирует</i> целостную картину прошлого. А философ (этот термин нам несколько ближе, нежели «футуролог») предполагает, что некие процессы, отношения, явления <i>станут</i> элементами будущей общественной системы, и по ним <i>конструирует</i> целостную картину будущего. Не стоит говорить, что оба сравниваемых процесса исследования есть процессы вероятностные – с соответствующими недостаточно высокими возможностями верификации.

Чего не будет?

Было бы неправильно заявлять, что в посткризисный период сразу не будет, скажем, рынка, товара, денег. Почему же не будет? Все возможно, в том числе и выживание товарного мира. Вопрос в том, какими методами и средствами? Именно это мы и пытаемся выяснить.

Было бы также неправильно предлагать законченные проекты социальных систем, как это делает, допустим, «футуролог» Максим Калашников или его оппоненты-близнецы из мистических и клерикальных кругов.

Неправильно – по двум причинам.

Во-первых, уже есть неудачный опыт описания общества будущего методами отрицания. Говорили: в будущем не станет рынка, денег, эксплуатации... Но, как справедливо заметил мой давний товарищ, выпускник философского факультета МГУ, а ныне профессор Технического университета на Крите Димитриос Пателис, «зряшное отрицание одного полюса противоречия закономерно придает противоположному полюсу черты своего иного».

Именно так описывали коммунизм... Именно так описывают «пессимистический» вариант будущего. И это характерно не только для виртуальной картины коммунизма. Это общий недостаток поверхностного прогноза. Поэтому **недостаточно определить то, чего не будет**. Это отрицательная определенность, «голое отрицание».

Во-вторых, будущее есть вероятность, и мы видим как минимум, два варианта послекризисного мира, уже обрисованных нами как «оптимистический» и «пессимистический». Насколько первый оптимистичен, а второй пессимистичен – об этом позже.

Пока же мы исходим из того, что кризис нанесет жестокий удар по самой системе капитализма, и эта система будет существенным образом изменена.

Что будет?

Вариант 1 – «оптимистический». «Новый феодализм»

Я давно ломаю голову относительно альтернативы современному товарному миру. Тем более приятно было обнаружить в московском дискуссионном клубе «Лобное место» группу людей, думающих в том же направлении, что, впрочем, не означает одинаковости мыслей. Подтверждением тому – продолжительная дискуссия на эту тему с моим давним добрым знакомым, известным экономистом Михаилом Хазиним.

Со свойственным ему пессимизмом Хазин утверждал, что выход из кризиса, а точнее, посткризисный мир наиболее вероятен в форме феодального мира. Иными словами, чтобы сохраниться, капитализм должен

деградировать в сторону феодализма. Я тоже давно и с сожалением замечаю, что вероятность такого варианта развития событий более чем высока. Более того, эти тенденции просматривались задолго до кризиса. И этих тенденций несколько.

1. «Нано-шлагбаумы»

Возьмем ситуацию с наукой, информацией и интеллектуальной сферой вообще. Капитализм подошел к рубежу, когда наука, информация становится основной производительной силой. Но классический, традиционный товарный рынок не готов работать с ними, ибо предполагает **два незыблемых принципа**.

- **Первый принцип:** агенты рынка, продавцы и покупатели, формально равны и свободны, они могут продавать и покупать товары (естественно, не запрещенные законом к обороту) в меру своих желаний и возможностей – кому угодно и как угодно.
- **Второй принцип:** если я купил товар у Вас, то это означает бесспорное физическое отчуждение Вашего товара в мою пользу, а моих денег – в Вашу. Другими словами, в результате покупки у продавца нет товара, а у покупателя – денег. Если я подарю, или продам, или употреблю названный товар, то его не будет и у меня.

Допустим, я сделал расчет работы аппаратного комплекса, придумал «Тетрис», вывел супер-формулу, написал роман, сценарий. Вы у меня купили сделанный мной интеллектуальный продукт, дабы потребить его – в производстве или лично – это неважно. Но у меня-то этот продукт не отчужден, это же не батон и не станок! Он в голове, на диске, на флеш-карте... И Вы, в свою очередь, передав этот интеллектуальный продукт кому-то, подарив или используя, не теряете его по той же причине.

Что же делать? И агенты рынка, дабы сохранить товарность интеллектуального продукта, его однократную (точнее, одноразовую) отчуждаемость, то есть, для того, чтобы соблюсти второй принцип рынка, – нарушают первый! Они вводят ограничения, причем это отнюдь не госрегулирование, а **прямые запреты** продавать и покупать. Это и есть шаг к феодальной системе. Вы платите не за услугу, а за снятие запрета, не за то, что дорого, по которой Вы едете, хорошая, а за то, что вас на нее пропустили. (Шлагбаум, изобретение удельных феодалов, в переводе с немецкого как раз и означает что-то типа «пропускное дерево»). Результат – чудовищные по смыслу, доходящие до безумия дискуссии и законодательные рогатки в сфере авторских прав и прочего невещественного продукта.³ А вся беда в том, что наука, информация, хай-тек в отличие от частных батонов, часов, авто и станков, – продукты **непосредственно общественные**, результат усилий **всего общества**. И возведение заборов с целью сохранить товарность есть деградация, потому что именно эти продукты становятся главной производительной силой.

Здесь могут возразить, что наука, пока еще не доминирует в общественном производстве. Мол, проживем и без нее, на нынешнем, достаточно автоматизированном для массового производства, но вполне еще рыночном обществе. Однако здесь следует снова вспомнить, что кроме борьбы за интеллектуальные права, кроме попыток ограничить свободное перемещение идей и открытий, кризис усиливает поползновения в сторону феодализации общества еще одним мотивом, уже неоднократно упоминавшимся: противодействием тенденции нормы прибыли к понижению.

2. Борьба за сохранение нормы прибыли

а. Капитал

Противостояние открытой Марксом тенденции нормы прибыли к понижению, как мы говорили, все прежнее время осуществлялось либо за счет усиления эксплуатации в рамках производства (снижения стоимости рабочей силы), либо за счет экспансии в регионы и страны с дешевым сырьем и дешевой рабочей силой. Сейчас же резервы расширения исчерпаны. И теперь снова становится востребованным опыт неокOLONиализма. Становится выгодным, чтобы природную ренту за сырье с облюбованной корпорацией территории получало в частном или фактически частном порядке *одно лицо* или узкая *группа лиц*, – как прежде феодалы получали земельную ренту. Тогда покупатель сырья экономит: ему не надо платить государству, обремененному социальными обязательствами. А в обмен на толерантность можно снабдить рентополучателя оружием или заплочных дел мастерами, дабы усмирять обделенное большинство. Примеров тому множество. Вспомним, как внезапно в бывших советских республиках, особенно в Азии, появились толпы военных советников с Запада. Вспомним, что «демократический Запад» абсолютно толерантно воспринимал Туркменбаши, но возмущался Саддамом Хусейном. Африка – это один сплошной большой пример... Да что там говорить!? Включите телевизор и внимательно послушайте.

б. Труд

Но даже не это главное. Источник любой прибыли – живой труд. Поэтому главным инструментом сохранения товарности может стать (и становится) «отжимание» работников по зарплате. Штрафы, новые тарифы, антипрофсоюзное законодательство – да мало ли что можно придумать! Главное, – что такое становится возможным лишь на фоне силового давления, внеэкономического принуждения. А это тоже элементы феодализма.

³ См., например: Злоупотребление авторским правом, *Нью-Йорк таймс*, 11.10.02.; Верховный суд взвешивает решение о наилучшей продолжительности копирайта *Уоррен Ричи*, «Крисчен сайенс монитор», 09.10.02.

Таким образом, получается забавная *дилемма*: капитал, развиваясь, тормозит самодвижение собственной сущности, а пытаясь сохранить источник этого самодвижения, ... снова подрывает собственную сущность, но уже с другой стороны. Сам процесс сохранения уровня нормы прибыли содержит в себе предпосылки феодализации, а, следовательно, «дурного отрицания» прибыли как таковой, ибо для феодализма в качестве формы отчуждения прибавочного продукта характерна не прибыль, а рента.

3. «Неофеодальная рента» по Хазину⁴

Рента, как известно, взимается за пользование природными объектами. И тут снова возникает *коллизия*. Рассмотренные выше рентные полуфеодальные отношения могут затронуть (и затронут!) не только и не столько природные объекты, но и *отрасли*.

Единый организм народного хозяйства будет разделен на отдельные «феоды». И, вероятнее всего, разделение начнется по естественным монополиям: транспорт, связь (железные дороги в особенности), нефтедобыча, энергетика, добыча ископаемых, металлургия и т.п. Каждый, кто будет контролировать отдельную отрасль, начнет вести себя как своего рода феодал. Он начнет брать некую дополнительную плату за то, чтобы кто-то подключился к этому ресурсу и что-то из него получил. Это будет брать своего рода рента – дополнительно к прибыли.

В знаменитой формуле органического строения капитала «новый феодал» будет все время пытаться увеличить прибыльную часть в противовес вкладываемому капиталу. Для него капитал, вложенный в отрасль, не является капиталом, то есть тем, что сделано людьми, а рассматривается как нечто добытое, а потому сходное с природным объектом, источником ренты.

Таким образом, будет происходить «нарезание» общественного производства на частные, отдельные куски, отделенные друг от друга и охраняемые даже не внеэкономическими, а, скорее, политическими методами.

Казалось бы, что тут особенного – «сесть» на свой кусок народного хозяйства и спокойно собирать оброк XXI века – как со своего удела?! Но... Каждая из этих отраслей, в отличие от земельных феодалов, не может существовать сама по себе. Все названные отрасли являются как результатом *разделения* труда, так и причиной и результатом *соединения* разделенных трудовых процессов, их интеграции в рамках всего общества. Поэтому феодализация их убьет. Феодализму вообще-то свойственны локальные рынки. Поэтому железная дорога не особо нужна, энергосистемы – тоже. А железной дороге и энергосистеме, напротив, нужны рельсы, электроэнергия, подвижной состав, которые (пока еще) производятся у других феодалов. Так что в отраслях монополистах начнется свой, внутренний распад. И пошло-поехало!

О выживании науки вообще речь не идет. Она падет первой в результате неофеодальной деградации.

Таким образом, выясняется, что сохранение товарности приводит к своей собственной противоположности. Общественное производство, которое явилось результатом многолетнего развития капитализма, разделения труда и объединения его в рамках всего общества, – то, о чем говорил еще Адам Смит, – снова дробится только ради того, чтобы сохранить товарность. Очевидна деградация общества.

В заключение приведу замечательную цитату классика политэкономии Адама Смита:

«Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда.

...То, что в диком состоянии общества составляет работу одного человека, в более развитом обществе выполняется несколькими».

«Не говоря уже о таких сложных машинах, как судно матроса, валяльная мельница и даже станок ткача, подумаем только, какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить тот весьма простой инструмент – ножницы, которыми пастух стрижет шерсть. Рудокоп, строитель печи для руды, дровосек, угольщик, доставляющий древесный уголь для плавильной печи, выделыватель кирпича, каменщик, рабочий при плавильной печи, строитель завода, кузнец, ножовщик – все они должны соединить свои усилия, чтобы изготовить ножницы».

Подводим итог: для сохранения товарности и выживания частной собственности капитализм должен деградировать в сторону феодализма. Но это означает отказ от разработок, от роста производительности, от повышения прибыли и, соответственно, нормы прибыли... Замкнутый круг...

«Оптимистический» вариант выживания товарного мира на деле становится пессимистическим вариантом его деградации.

Если начинать рассматривать, *как именно* этот «оптимизм» может быть реализован, *как именно* всё может сохраниться, выясняется, что оптимистический прогноз как раз наиболее... пессимистичен с точки зрения последствий. Как говорится, в борьбе за мир не останется камня на камне.

⁴ Термин этот придуман мною, но, я надеюсь, Михаил Хазин не будет его оспаривать в качестве определения его взгляда на деградацию капитализма.

Есть ли альтернатива? Есть!

Вариант 2 – «пессимистический». «Смерть товарного мира»

А теперь смотрим, что может произойти, если мы возьмем так называемый «пессимистический» вариант. И выясняется: то, что считается концом мира, концом света, – является лишь концом *товарного* мира, но никак не концом производства, не тем рубежом, за которым ничего не будет происходить. Почему нет? Почему бы не производить вещи, а не товары? И если исходить из этого, то выясняется, что как раз **снятие товарности**, перешагивание за пределы товарного мира, является тем выходом, который поможет сохранить все те достижения, к которым человечество пришло в период капиталистического развития.

Обратите внимание, **две тенденции** борются в обществе **уже сейчас**:

- Феодализация, то есть разделение общественного производства, пусть даже и осуществляемого частными компаниями, искусственными (и по сути нерыночными) перегородками.
- Снятие товарности, то есть снятие товарных оков с непосредственно общественных производительных сил, их превращение в ведущую силу прогресса.

А стало быть, мы вполне можем рассматривать вероятность реализации второй тенденции по той же гносеологической схеме, что и первой: альтернативные элементы как возможные элементы новой системы отношений.

Что из элементов уже есть.

По второй тенденции хотел бы обратить внимание на исторический факт: участники проекта «Манхэттен» (американская ядерная бомба) на протяжении всей работы в проекте были изолированы от мира, но при этом не имели дела с деньгами в принципе. Просто у них было все необходимое. Важно отметить: «все необходимое» не означало безумного потребления сродни «гламурному безумию» последних 2-3 лет. Ученые и инженеры, работавшие в проекте, жили лучше среднего американца, но без излишеств. «Служенье муз не терпит суеты...»

Итак, люди, занимавшиеся коллективным научным трудом, – даже в самой «рыночной стране» – получили ситуацию, максимально адекватную этому труду: непосредственно общественное, нетоварное микро-сообщество⁵.

Что же говорить о нынешней ситуации, когда наука стала производительной силой не только в таких продвинутых отраслях, как ядерная энергетика и ВПК.

И люди, занятые в этих отраслях, совсем иначе относятся к труду, видя в нем не только источник средств к существованию, но и процесс удовлетворения специфически человеческой потребности.

ВОТ ВАМ И НАМЁТКИ АЛЬТЕРНАТИВЫ.

Что можно сделать?

Найти субъекта

Мы уже говорили, что сам по себе внутренний предел интенсивного развития товарного мира недостижим, поскольку в этой точке теряется источник его самодвижения – самовозрастания капитала.

Экономические проблемы современного «рыночного хозяйства» выдвигают потребность в таком субъекте, который в ситуации, когда упавшая норма прибыли не «работает», не стимулирует капиталиста, может найти *иной стимул* к производству. С другой стороны, новые процессы производства, когда наука стала непосредственной производительной силой, уже формируют субъекта, ощущающего *потребность* в творческом труде.

Проф. Д.Пателис из Технического университета о.Крит примерно так определил субъект нового исторического процесса:

«Речь идет о субъекте связанных с автоматизацией видов деятельности, которые уже не представляют собой труд в традиционном смысле термина, *прообраз развитой формы которых дают нам творческие моменты*

⁵ Могут возразить насчет так называемых «шарашек» – разве в них труд был свободен? Но там тоже уровень был выше уровня жизни «на воле». Их изолировали от суеты товарного мира – несколько иным путем, но по сути сделал то же самое. Просто в «шарашках» не надо было искать хлеб и одежду, а в Манхэттенском проекте – авто и бриллианты. Но это уж была, скорее, проблема общества. Наше общество было беднее хотя бы потому, что по стране прошла война.

Очень важно отметить, что «распределенная бедность» – это тоже признак непосредственно общественного характера труда в интеллектуальных сообществах. Здесь важно соотношение уровня жизни с уровнем общественного богатства.

научно-исследовательской и художественной деятельности, той которую К. Маркс называл «всеобщим трудом». Такой субъект производится и воспроизводится сегодня неравномерно мировой капиталистической системой ... Субъект этой деятельности не подчиняется непосредственно неизменным предметным условиям труда. Выступает как пользователь, контролер и создатель всеобщего назначения развивающихся и развиваемых материальных и идеальных средств и способов воздействия человека на свое окружение, которые одновременно являются средствами и способами общения и взаимообогащения способностей людей».

«это другой тип работника, он формируется и развивается в трудовых процессах, характеризующихся

- качеством труда,
- обновлением, творчеством,
- развитием творческих способностей,
- непосредственно-общественным назначением труда
- потребностью в труде (а не трудом как средством и как принуждением через голод и насилие)

По последнему пункту следует высказаться отдельно, поскольку это утверждение в ситуации вынужденности труда не очевидно, и у человека, погруженного в вынужденный повторяющийся процесс труда, вызывает в лучшем случае грустную улыбку, а чаще – смех и/или резкие возражения.

Однако если подумать, труд – это *целесообразная* деятельность, свойственная именно и только человеку. Он связан, таким образом, с постановкой цели, с предварительным описанием результата, а, следовательно, средств и способов его достижения. Другими словами, он связан с языком и мышлением. В этом отличие труда от *деятельности вообще*, о которой любят говорить философы-«общечеловеки» и к которой они стремятся свести труд. Деятельность, в отличие от труда, может быть и бесцельной. Таковой, к примеру, является реакция на предмет специфической чувствительности и процесс удовлетворения *биологической* потребности.

«Органическая потребность отличается от биологической потребности тем, что биологическая потребность имеет еще такой аппарат, в результате которого предопределяется отношение животного к внешней среде. А потребность органическая не предопределяет отношения к внешней среде.»⁶

Человек, его мозг, речевой аппарат, руки, сформированы трудом и для труда, для осмысленной целесообразной деятельности. Труд «отпечатывается» в человеке уже морфологически⁷, он стал органической потребностью здорового человека. Отсутствие труда либо бесцельная деятельность ведут к деградации человека, примеров чему несть числа. И напротив, только те из людей, кто трудился постоянно, доживали до преклонного возраста и сохраняли ясность ума.

Обратите внимание – описанный выше работник носит все качества, отрицаемые нынешним обществом уже сейчас – либо в перспективном «неофеодальном» будущем. Именно так: не он отрицает общество, а общество отрицает его. А это уже шаг к нятию общества такого типа.

Пока же тенденция к «обывденению» человека труда, сохранению и усилению поработавшего разделение труда как нельзя органичнее ложится в русло «неофеодальных» поползновений так называемой элиты.

Что же делать?

Делать Личность

«...Умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять своюсообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо.

Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств».

Адам Смит

Обыватель – личность первого, «предпосылочного» типа⁸, занят вопросами выживания. И все, что находится за пределами его повседневного опыта, воспринимает как данность, не требующую доказательств. В сущности, в снятом виде воспроизводится мыслительная схема добывающей экономики. Отсюда и мыслительные схемы, которые остаются или деградируют до первобытной схемы.

⁶ П.Я.Гальперин. Лекции по психологии. С. 126-127.

⁷ См. В.А.Вазюлин, Логика истории, гл 2.

⁸ Там же.

...Но мы пока не готовы начать даже с себя

К вопросу о страшных прогнозах и смешных решениях.

Мало кто готов рассматривать кризис как конец *товарного* мира. Смотрят как на конец мира в целом. Возможно, играет роль психология Карандышева: «Так не доставайся же ты никому!!» А возможно, современные исследователи и аналитики альтернативы действительно не видят.

Тем более не видят ее люди с более непосредственным (но не менее предприимчивым) типом мышления. Апокалиптические прогнозы будоражат обывателя. За последнее время заметно возросло количество фильмов-катастроф, демонстрирующихся по ТВ. Мистические передачи о «тайных знаках», о пророчествах, об инопланетянах, которые нас или *уничтожат*, или *спасут* (значит, уничтожить будет кто-то или что-то другое), стали доходнейшим промыслом. Каждый год объявляется новая дата конца света – на выбор: 2012, 2032, 2050 годы. Можно (и нужно) не воспринимать серьезно сами эти прогнозы и страхи. Однако они есть хороший индикатор «общественного самочувствия», показывающий, что общество больно. В том числе и головой.

Иначе почему оно спокойно соглашается с довольно странными выводами идеологов власти, которые мероприятия по спасению мира рассматривают как мероприятия по спасению рынка и *vice versa*...?

Особенно нелепо в этой ситуации выглядят наши «футурологи». Ну ладно бы чиновники – им положенное быть оптимистами, энтузиастами и проводниками бесконечных и бессмысленных национальных проектов. Партия сказала: «Нано!»

Однако к прорывным лозунгам присоединились и наши левые р-революционные товарищи. Сейчас они говорят о «точке прорыва», «точке сборки». Дескать, давайте создадим «точку прорыва», давайте создадим «футурополисы» – и прочие технократические прожекты. А что это такое? Всё то же самое. Они пытаются сохранить некую точку, в которой будет работать наука, будут работать научные кадры – причем не за то, чтобы получить большую зарплату, а для того, чтобы создать что-то новое. Но все это предполагается оставить внутри существующего товарного мира. Значит, возможны два продолжения. Первое – наиболее вероятно. Окружающий товарный, капиталистический хозяйственный механизм, словно африканская яичная змея /*Dasypeltis scaber*/, которая заглатывает яйца целиком, и только скорлупу выплевывает, раздавит и переварит этот несчастный технополис и воспользуется его результатами, временно повысив норму прибыли и сделав его одним из звеньев капиталистического хозяйства, то есть возвратит всё на круги своя (по «оптимистическому» варианту). Второе возможное продолжение: надо будет распространить результаты этого труда, который является трудом свободным, творческим, на всё общество.

Но, во-первых, это означает конец товарности. Поэтому я считаю, что все призывы к современной власти найти точку прорыва и сделать прорыв – они вряд ли реализуемы в рамках той общественной модели, парадигмы, которую эта власть проповедует. А проповедует она сохранение капитализма и более широко – товарного мира. Любой ценой.

А во-вторых, **кто** это будет делать? Кто воспримет снятие товарности – и кто разъяснит новую общественную модель? Любопытно заметить, что даже ультралевые футуристы говорят об *экономической* эффективности проектов а-ля технополис. А значит речь снова идет о затратах, капиталах и прибылях.

Таким образом, даже люди, говорящие о будущем и «изучающие» его, не выходят, не могут выйти за пределы парадигмы товарного мышления! Тяга рассматривать «богатство обществ, ... как огромное скопление товаров, а отдельный товар – как элементарную форму этого богатства»⁹ – это глубочайший культурно-мыслительный архетип, древний, а потому живучий.

Один мой знакомый историк – весьма интересный и «быстрый разумом» человек, – когда речь зашла о товаре и возможности снятия товарности, возразил мне следующим образом: «Но ведь у товара остается потребительная стоимость, то есть его потребительские качества! Значит, и товар никуда не девается!» А ведь на самом-то деле вещь (или идея, информация), произведенная *не для обмена*, уже не есть товар. Чтобы товар куда-то «делся» – не обязательно его уничтожить физически. Достаточно не обменивать его. Но мы этого не видим. Почему? Потому что наша цивилизация попала в золотую западню, создававшуюся на протяжении всего ее существования

Вся наша культура вдруг оказывается культурой **товарной**.

Мы говорим об общечеловеческих или цивилизационных **ценностях**.

Мы судим о моральных **ценностях** – а ведь это значит, что мораль остается чем-то внешним, а значит навязанным, тормозящим внутренние интенции.

Нас влекут эстетические свойства золота и серебра. Но это влечение порождает не чувственно воспринимаемые натуральные свойства золота и серебра. «Блеск золота и серебра есть **блеск их общественной роли**, их общественного значения. И в этом отношении из всех-остальных *товаров* золото (и

⁹ Карл Маркс. «К критике политической экономии». / К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., том 13, стр. 13.

серебро) для человека, захваченного миром товарных отношений, обладает наибольшей эстетической силой воздействия.»¹⁰

Я уже высказывал предположение – что стразовый блеск гламура – это как раз попытка отделить общественную роль от эквивалента стоимости, представить ее, так сказать, в чистом виде. Неудачная, добавим, попытка.

Поэтому повторяю: нужно продвигать, нужно сохранять, нужно бороться за нового человека.¹¹ Потому что именно человек – носитель знания, носитель информации, человек – носитель новых социальных интенций. Именно человек является тем, что сможет стать и будет точкой перехода от старого, товарного мира к новому. То есть мы должны противостоять тому обыдлению, попытки которого на нас обрушиваются сегодня постоянно. Противостоять попыткам сохранить и воспитать обывателя, сидящего у экрана и впитывающего информационную жвачку, приготовленную для него, противостоять формированию того «пиπλα», который «хакает».

И именно этот новый человек, который станет по-другому смотреть на мир, который сможет понять, что мир этот может быть не товарным, что вещь, идея, произведение искусства может быть не товаром, – именно этот человек будет точкой перехода, о котором я говорю.

Вместо послесловия.

Итак, «пессимистический» вариант оказался, пожалуй, самым оптимистичным. Но пути его реализации противоречивы, извилисты, а зачастую ведут по кругу. И часто то, что кажется объективным и «материальным» (вещественным), оказывается иллюзорным.

Итак, есть два пути. Можно подталкивать развитие к технологической ситуации, когда норма прибыли упадет до нуля. Но это лишь стимул, необходимое условие для смены типа общества. До тех пор, пока человек будет искать пути экономической эффективности, прибыльности – ничего не произойдет. А произойдет тогда, когда человек вырвется из тисков товарности и поймет, что эффективность может быть связана не с прибылью, а с творческим трудом, а результат труда – не с ценой, а с качеством. Причем, речь идет не о качестве продукта, а о качестве жизни, не только в потребительском, животво-природном смысле, но и в собственно человеческом.

Однако, человеческое сознание – самый твердый материал. Нас ждет жесточайшая культурная ломка, масштабы которой мало кто может представить.

Это не смена формаций – а смена *типов* общества

Думайте...

¹⁰ См. В.А.Вазюлин, Логика истории, гл 3.

¹¹ Здесь важно будет отметить, что именно новый человек сможет воспринять ту ломку товарного мира, которую не может воспринять обыватель – основа, выразитель и потребитель идей, винтик товарного мира.